

Эдит Несбит

ВОЛШЕБНАЯ ПТИЦА ПЕТУТУКАН

Сказки

Эдит Несбит
Волшебная птица
Петутукан. Сказки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39490866
ISBN 9785449395757*

Аннотация

Абсурдные, смешные, яркие сказки Эдит Несбит поднимут вам настроение и помогут приятно провести время. Книга подходит для детей любого возраста, от 0 до 100 лет.

Содержание

Жизнь Эдит Несбит	5
Волшебная птица Петутукан	10
Кудахочешьпопасть или Прыгучий мячик	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Волшебная птица Петутокан Сказки

Эдит Несбит

Переводчик Лилит Базян

Иллюстратор Анна Базян

© Эдит Несбит, 2018

© Лилит Базян, перевод, 2018

© Анна Базян, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-9575-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь Эдит Несбит

Эдит Несбит

Жила-была девочка. Звали ее Эдит Несбит. Жила она давным-давно, в XIX веке, когда комнаты освещали свечами и ездили в экипажах, запряженных лошадьми. Когда девочка родилась, отец и мать, конечно же, создали множество фей на крестины дочери, чтобы их добрые предсказания принесли ей счастье. Одна фея сказал, что она будет очень красивой, другая добавила, что еще и умной, но тут, откуда ни возьмись, появилась коварная Малеволла – вечно обиженная и сердитая фея, которую почему-то всегда забывали пригласить на крестины.

– Ой-ой-ой, – заволновалась мама, – позвольте налить вам вкусного вина и предложить угощения.

Но Малеволла была непреклонна, она, во что бы то ни стало, хотела произнести пожелание.

– Девочка будет писательницей, – сказала она с трагическим выражением и исчезла.

Никто не понял, что хотела сказать этим злая фея, и поэтому ее реплику оставили без внимания. Однако, несчастье все же случилось в доме малышки. Умер отец Эдит, когда девочке было не больше шести лет. Безутешная мама вместе с шестью детьми (ведь их всего было шестеро и Эдит – самая младшая) пустилась в дальние странствия. Франция, Англия, Испания, школы-интернаты, чужие дома. Позже Эдит напишет в своих воспоминаниях:

«Помню в детстве я часто и страстно молилась, о том,

чтобы никогда не забыть, даже когда стану взрослой, того, что чувствую и думаю и переживаю сейчас, о том, как страдаю».

Что ж, несмотря на все невзгоды, юная принцесса выросла весьма очаровательной. Предсказания добрых фей сбылись: она была красива и умна, а про странное пророчество Малеволы не вспоминала вовсе. Ей было девятнадцать, самое время для появления прекрасного принца. И он не заставил себя ждать.

Его звали Хьюберт Бланд, и он был начинающим писателем с оригинальными политическими взглядами. Вместе они создали не только семью (весьма необычную, но об этом позже), но и Фабианское общество, в честь которого назвали одного из своих сыновей. В него входили, в основном, социалисты, к нему же в августе 1884 года примкнул сам Джордж Бернард Шоу. Вот что Эдит написала о нем и об обществе:

«Фабианское общество становится все больше, в него теперь входит много приятных людей. Например, мистер Стэплтон – очень приятный джентльмен и Джордж Бернард Шоу – самый необычный из всех. Д.Б.Ш. блещет суховатым ирландским юмором, перед которым просто невозможно устоять. Он – умный писатель и оратор, и, вдобавок, фантастический льстец... У него белое лицо, рыжеватые гладкие волосы и противная всклокоченная бородка. И все же, это один из самых обаятельных мужчин, из тех, что мне довелось встретить».

Знаменитый писатель и драматург так же находил даму весьма интересной. Он встречался с ней в кафе два-три раза в неделю. Однако, в мае 1887 года Шоу записал в своем дневнике:

«Она ушла после довольно неприятной сцены, когда я сказал, что наши частые встречи могут скомпрометировать ее».

Но разве так ведут себя благовоспитанные принцессы? В чем же дело? А как же принц?

Принц? Ах! Принц оказался с изъяном. Может быть Малеволла побывала и на его крестинах и заколдовала его, лишив способности хранить верность. Да, принц не был верен Эдит. Элис Хоатсон, секретарь Фабианского общества и подруга нашей принцессы, родила от него двоих детей: Розамунду и Джона. И обеих Эдит записала на себя и позволила Элис остаться в доме. Может быть, она сама была феей, и никакие проклятья Малеволлы не могли сломить ее доброты?

Своих детей с Хьюбертом у них было трое, плюс еще двое, получается пятеро. Наверное, именно поэтому в самых знаменитых ее книжках фигурирует именно пятеро детей: «Пятеро детей и Оно» (1902), «Феникс и ковер» (1904) и «История Амулета» (1906). Да, да, принцесса уже давно стала писательницей, и именно она кормила все семейство. Она написала множество детских приключенческих романов, необычных сказок, не пренебрегала и произведениями для взрослых. Пожелание Малеволлы оказалось не про-

клятвом, а спасительным даром. Необыкновенная фантазия Эдит Несбит превратила все ее книги в веселое, немного абсурдное, приключение. И главная мечта английской писательницы всегда сбывается в них. Папа возвращается домой. Похищенный злыми разбойниками, да хоть самой смертью, летчик-истребитель или обычный учитель, он всегда возвращается. То, что не сбылось в скучной жизни, случается в сказке.

На закате дней нашей принцессе удалось пережить взаимную любовь. Через два года после смерти первого мужа, она встретила Томаса Терри Такера, морского инженера, ничего не понимавшего в книгах, но сумевшего окружить Эдит той заботой, которой ей так недоставало. «Как будто кто-то пришел и накинул мне на плечи меховое пальто», – сказала она сестре.

И жили они долго и счастливо!

Лилит Базян

Волшебная птица Петутукан

У Матильды горели уши. Они были очень красными. Таковыми же красными были ее щеки и руки, а все потому, что Придмор мыла ее изо всех сил. Нет, не купала, что обычно бывает приятно и не больно, а «терла мочалкой дочиста», так что бедная девочка пожалела, что не родилась маленькой дикаркой. Как заманчива жизнь дикарей! Они ни о чем не заботятся, бегают голышом весь день на солнце и заходят в воду только, когда им становится слишком жарко. Матильда была бы не прочь родиться в каком-нибудь дикарском племени, а не в Брикстоне, районе Лондона.

– А вот дикари, – сказала она, – не моют тщательно уши и не носят новые платья, которые колются изнутри: в рукавах и вокруг шеи. Так ведь, Придмор?

Но Придмор ответила только:

– Какая чушь!

А потом добавила:

– Не вертись так, дитя, ради всего святого!

Придмор была няней Матильды. Матильда считала ее очень скучной. Девочка была права. Маленькие дикари не носят неудобных платьев. Их никогда не трут мочалкой, не чешут гребнем, не натягивают на них перчатки и сапоги, не напяливают на голову шляпу и не засовывают в омнибус, который идет до Стретема, и все ради того, чтобы навестить

двоюродную тетушку Уиллоуби. Мама договорилась о визите, и вот Придмор наряжала ее теперь, как куклу. Матильда знала, что сопротивляться бесполезно и даже не пыталась противостоять грядущему. Однако, у судьбы были на счет девочки другие планы. Судьбу не проведешь!

Когда последняя пуговица на сапогах, наконец, застегнулась (крючок для пуговиц частенько капризничал, особенно, когда надо было одеться побыстрее, но сегодня немного вредничала нога самой Матильды) несчастного ребенка повели вниз и усадили в прихожей ждать пока Придмор облачится во все свои наряды.

– Управлюсь за минуту, – сказала няня, но Матильда не питала иллюзий на этот счет. Она уселась ждать и печально болтала ногами на стуле.

Матильда уже как-то ездила к двоюродной тетушке Уиллоуби и прекрасно знала, что ее ждет. Тетушка спросит ее об учебе, какие отметки она получала в последнее время, и как себя вела. Странно почему взрослые не чувствуют насколько неуместны подобные вопросы. Ты, например, могла бы ответить:

– Все хорошо, тетушка, я лучшая в классе. А теперь, давайте поговорим о вас. Тетя, дорогая, сколько у вас сейчас денег? Вы снова устроили выволочку слугам или постарались быть терпеливой, как и подобает приличной воспитанной тетушке?

Попробуй поговорить так с тетей, когда она в следующий

раз начнет задавать вопросы, а потом Расскажи мне, что она ответила.

Матильда прекрасно знала, какими будут вопросы тети Уиллоуби, и еще она знала, что после того, как ответит на них, тетушка даст ей крошечное печенье, а после велит пойти с Придмор и вымыть еще раз хорошенько руки и лицо.

Потом ее отправят гулять в сад, где можно ходить только по песчаным дорожкам, и где на клумбах растут герань, кальцеоларии и лобелии, которые нельзя рвать. На обед подадут рубленую телятину с треугольными гренками по краям тарелки. И бесконечный день ей придется коротать за чтением «Субботнего вечера гончара», толстенной книги, напечатанной противным мелким шрифтом и полной историй о детях слишком хороших для этого мира и потому покинувших его.

Матильда содрогнулась. Если бы не новое платье, она бы расплакалась, но одежда так жала и колола, что у нее не осталось сил даже на слезы.

– Фу, какой стыд! – сказала Придмор, когда, наконец, соизволила спуститься в прихожую. – Что за хмурая физиономия!

– И совсем не хмурая, – ответила Матильда.

– Очень даже хмурая, – повторила няня, – не умеешь ценить то, что тебе дано.

– Ты прямо настоящая тетушка Уиллоуби, – сказала Матильда.

– Капризная противная девчонка! – рассердилась Придмор и тряхнула Матильду.

Девочка попыталась в ответ ударить няню, поэтому по ступенькам они спускались не очень довольные друг другом. Они вышли на скучную улицу к скучному омнибусу, и Матильда все же поплакала немного.

Придмор была очень внимательным человеком, даже когда пребывала не в духе, но и внимательные люди ошибаются. По-видимому, она перепутала омнибус, или этой истории никогда бы не случилось, и я бы не смогла рассказать тебе ничего интересного. Видишь, и ошибки иногда приносят пользу, так что не сердись на взрослых, когда они что-то путают. К тому же, случается это довольно редко.

Это был омнибус ярко зеленого цвета с золотистым оттенком и с мягкими зелеными сиденьями внутри. Матильда с няней были единственными пассажирами. Девочка сумела, наконец, порвать шов на плече и почувствовала себя уютней, так как платье больше не жало ей, хотя бы в плечах.

Поэтому она сказала:

– Придди, дорогая, мне стыдно, что я была такой злокой.

– Тебе и должно быть стыдно, – сурово ответила Придмор.

Ей даже не пришло в голову попросить прощения за собственную злость. Но не стоит ждать слишком многого от взрослых.

Вместо того, чтобы медленно трястись по пыльным улицам, омнибус быстро и ровно скользил по зеленой аллее.

Больше не оставалось сомнений, что они перепутали ом-

нибус, потому что вместо того, чтобы медленно трястись по пыльным улицам, он быстро и ровно скользил по зеленой аллее, где на изгородях распускались цветы, и высокие деревья качались над головой. Матильда так обрадовалась, что сидела очень тихо, чего обычно с ней не бывало. Придмор читала бульварный роман под названием «Мечь леди Констанции» и поэтому ничего не заметила.

– Ни за что ей не скажу, – подумала Матильда, – когда-нибудь он все равно остановится.

Омнибус остановился. Придмор спрятала книжку в карман и приготовилась выходить.

– Я и подумать не могла! – воскликнула она и, выскочив наружу, бросилась вперед, к лошадям.

В омнибус были впряжены белые лошади в зеленой сбруе. У них были очень-очень длинные хвосты.

– Позвольте, юноша, – окликнула Придмор возницу, – куда вы привезли нас? Это ведь не Стретем!

Возница выглядел просто великолепно. На нем были белые шелковые чулки, белая гофрированная шелковая рубашка, а его зеленые пиджак и бриджи отливали золотистым оттенком. Великолепна была и треуголка на голове юноши, которую он вежливо приподнял, когда Придмор заговорила с ним.

– Простите, мэм, – мягко произнес он, – но, боюсь, это вы по какому-то досадному недоразумению сели не на тот омнибус.

– А когда следующий поедет обратно?

– Омнибусы не едут обратно. Раз в месяц они ходят из Брикстона сюда, но обратно никогда не возвращаются.

– Откуда же берутся те, которые едут из Брикстона? – спросила Матильда.

– Каждый раз едут новые, – ответил возница и снова приподнял треуголку.

– А что случается со старыми? – спросила Матильда.

– О, – улыбнулся возница, – трудно сказать. Никто не знает точно, все так изменчиво в наши дни. Хорошего вам утра. Спасибо, что воспользовались нашим транспортом. Нет, ни в коем случае.

Он отмахнулся от восьми пенсов, которые Придмор протянула ему, как плату за проезд, и поскорее уехал.

Да, они точно были не в центральном районе Лондона. Омнибус привез их в какой-то странный городок. Наипрятнейший, наиприятнейший, наизеленнейший, наичистейший, наимилейший. Домики словно выстроились вокруг большого зеленого луга, на котором играли дети. Одеты малыши были в хорошенькие свободные платьица или рубахи. Матильда не заметила ни одной туго завязанной ленты. Что за счастливый край! Она напыжилась изо всех сил и сумела еще чуть-чуть разорвать шов на платье.

Правда магазины в городке выглядели немного странно. Названия не совпадали с тем, что было представлено в витринах. Например, вывеска на лавке гласила: «Элиас Главс.

Жестящик», а в окне виднелись батоны хлеба и пирожные. Витрина пекарни была полна детских колясок. Бакалейщик и колесник поменялись магазинами или именами, а портниха или модистка выставляла в окне свинину и колбасы.

– Какое смешное место, – сказала Матильда, – я так рада, что мы перепутали омнибус.

Маленький мальчик в желтом комбинезончике подошел к ним.

– Прошу прощения, – вежливо произнес он, – но всем чужестранцам следует представиться королю немедленно. Пожалуйста, следуйте за мной.

– Какая невоспитанность! – возмутилась Придмор. – Особенно по отношению к незнакомым взрослым! А кто ты такой, позволь узнать?

– Я – премьер-министр, – низко кланяясь, ответил мальчик. – По мне не скажешь, я знаю, но внешность обманчива. К тому же, такой я ненадолго. Завтра я снова стану самим собой.

Придмор проворчала что-то, чего мальчик не расслышал, но Матильда уловила несколько слов. «Отшлепать», «в постель», «на хлеб и воду». Слова хорошо знакомые всем ее воспитанникам.

– Если это игра, – улыбнулась Матильда, – я бы с радостью в ней поучаствовала.

Мальчик нахмурился в ответ.

– Советую вам пойти со мной, – сказал он так сурово, что

даже Придмор немного испугалась. – Дворец Его Величества в той стороне.

И он удалился. Матильда внезапно прыгнула, вырвалась из рук няни и побежала за мальчиком. Ворчунье Придмор, волей-неволей, пришлось последовать за ней.

Дворец стоял посреди огромного парка, зеленые кусты которого были усеяны белыми цветками. Он не был похож ни на один из английских дворцов, ни на Сент-Джеймский, ни на Букингемский. Он был красивым и очень чистым. Когда Придмор с Матильдой зашли внутрь, они увидели, что все стены обиты зеленой шелковой тканью. Лакеи носили зеленые ливреи с золотистым отливом, и у придворных одежда была такого же цвета.

Гостям пришлось подождать несколько минут, пока король поменял скипетр и надел чистую корону. Потом их провели в зал аудиенций. Король вышел им навстречу.

– Как любезно с вашей стороны заехать в наши края! – сказал он. – Вы ведь остановитесь во дворце?

Он встревоженно взглянул на Матильду.

– Тебе удобно в этом платье, дорогая? – с некоторым сомнением поинтересовался король.

Матильда была честной девочкой.

– Нет, ответила она, – мне очень жмет в плечах.

– Да, а багаж ты с собой не взяла... что ж... возможно у принцессы найдется платье... да... да..., а это... это твоя служанка?

Тут раздался неожиданно громкий смех. Король беспокойно оглянулся, как будто ожидал чего-то неприятного. Но ничего не случилось.

– Да, – сказала Матильда, – это Придмор, она... о Боже!

Ужасная перемена произошла с Придмор. От нее остались лишь сапоги да подол юбки, вся ее верхняя часть превратилась во что-то из железа и стекла, и пока Матильда с ужасом глядела на нее, последний кусочек юбки стал плоским, твердым и квадратным. А потом обычные человеческие ноги превратились в четыре железные. Придмор больше не существовало.

– Бедное дитя, – произнес король, – твоя служанка превратилась в автомат.

Так и было. Няня превратилась в автомат, вроде тех, что стоят на железнодорожных станциях, жадно глотают твои пенсы и выплевывают нечто шоколадообразное. Но в витрине того автомата, каким стала Придмор, шоколадок не было. Внутри лежали только свернутые кусочки бумаги. Король молча вручил Матильде несколько пенсов. Она бросила один в автомат, из которого тут же выскочил ящичек. Матильда взяла из ящичка кусочек бумаги и развернула его.

«Не будь докучливой», – прочла она.

Девочка кинула еще одну монетку, и на этот раз ей попало: «Если ты не прекратишь, я все расскажу маме, сразу же, как только она вернется домой». На следующей бумажке было написано: «С тобой нельзя даже из дому вый-

ти, чтобы не попасть в какую-нибудь историю». Больше Матильда не сомневалась, что перед ней Придмор.

– Да, – грустно согласился король, – так и есть. Твоя служанка превратилась в ворчливый автомат. Не расстраивайся, дорогая, завтра она станет прежней.

– Спасибо, но такой она мне больше нравится, – быстро сказала Матильда. – Пенсы кидать не обязательно.

– Все-таки не стоит проявлять жестокость и невнимательность, – вежливо не согласился король и бросил в автомат еще один пенс.

Ему выпало: «Надоедливый мальчишка, оставь меня в покое».

– Ничего не поделаешь, – устало сказал король, – не представляешь, как часто здесь случается что-то странное. Все от того... лучше расскажу тебе об этом за чаем. А сейчас иди с няней, дорогая, можешь выбрать любое из платьев принцессы, которое тебе подойдет.

Милая, добрая, приятная няня отвела Матильду в комнату принцессы, сняла с нее жесткое, причинявшее боль, платье и одела девочку в зеленый шелковый халатик, такой же мягкий, как грудка птицы. Матильда поцеловала ее в благодарность.

– А теперь, душечка, – сказала няня, – хочешь познакомиться с принцессой? Только будь осторожна, не поранься, она довольно острая.

Матильда не поняла, что няня имела в виду, смысл этих

слов открылся ей чуть позже.

Няня провела ее по многочисленным мраморным коридорам, вверх и вниз по мраморным лестницам. Наконец, они вышли в сад, где цвели белые розы, и посередине которого на зеленом атласном лоскутном одеяле, огромном, как пуховая кровать, сидела принцесса в белом платье. Она встала навстречу Матильде, и девочке показалось, словно белая лента приподнялась перед ней и раскланялась. Широкая белая лента длиной в ярд с половиной. Для ленты она была широкой, но для принцессы, все же, слишком плоской.

– Как поживаете? – сказала Матильда. Она была воспитанной девочкой.

– Весьма хрупко, спасибо, – ответила принцесса.

И это было правдой. У нее было такое белое худое лицо, что казалось, будто оно сделано из устричной раковины. Руки у нее также отличались белизной и худобой, а пальцы напоминали рыбы кости. Черные глаза и волосы принцессы понравились Матильде, и она подумала, что Ее Высочество была бы очень хорошенькой, если бы чуть-чуть поправилась. Когда девочка пожала принцессе руку, костлявые пальцы больно впились ей в ладонь.

Принцесса была очень рада госте и пригласила ее присесть на атласное одеяло.

– Я должна двигаться с большой осторожностью, иначе могу сломаться, – заявила она, – для этого здесь постелено одеяло. И мне нельзя играть и бегать, это очень опасно. Ты

знаешь какие-нибудь сидячие игры?

Матильда смогла вспомнить только игру в веревочку на пальцах. Принцесса сняла с головы зеленую ленту для волос, чтобы поиграть в нее. Ее рыбки пальчики оказались намного ловчей, чем маленькие толстые пальцы Матильды.

Гостья, однако, без устали любовалась садом и восхищалась всем вокруг. Она просто засыпала хозяйку вопросами.

Огромная птица сидела, прикованная цепью к жердочке, в середине большой клетки.

Огромная птица сидела, прикованная цепью к жердочке,

в середине большой клетки. А сама клетка была так велика, что занимала половину сада. На голове птицы красовался желтый гребешок, как у петуха, а клюв был огромен, как у тукана. (Если ты не знаешь, кто такой тукан, ты не заслуживаешь того, чтобы побывать еще раз в Зоологическом саду.)

– Что это за птица? – спросила Матильда.

– О, – ответила принцесса, – это мой любимец, Петутукан. Он очень ценный. Если он погибнет или его украдут, Зеленая Страна увянет или разрастется до невероятных размеров, как модные районы Лондона.

– Какой ужас! – сказала Матильда.

– Правда, я не бывала в Лондоне, – сказала принцесса, поежившись, – но разбираюсь в географии своей страны.

– Целиком и полностью? – уточнила Матильда.

– Даже в экспорте и в импорте, – заявила принцесса. – Что ж, до свидания. Я такая тонкая, мне надо хорошенько отдохнуть, чтобы не сломаться. Няня уведи ее.

И няня увела Матильду в чудесную комнату, где было множество игрушек, таких, на которые обычно любишь, пока тебе покупают какие-нибудь кубики или карту-головомку. Матильда прекрасно провела там время до самого чая. А потом она пила чай с королем. Монарх был очень учтив и обращался с Матильдой так, как будто она была взрослой. Это очень понравилось девочке, и она тоже вела себя великолепно.

Король рассказал ей о своей беде.

– Знаешь, – начал он, – какой прекрасной была когда-то моя Зеленая Страна! Она и сейчас такая местами. Но многое, все же, шиворот-навыворот, а все из-за этой птицы, Петутукана. Мы не осмеливаемся убить его или отпустить, но каждый раз, когда он смеется, кто-то в кого-то превращается. Посмотри на моего премьер-министра. Он был когда-то шестифутовым великаном, а теперь я могу поднять его одной рукой. А твоя бедная няня! Все эта птица виновата.

– А почему он смеется? – спросила Матильда.

– Не знаю, – ответил король, – я не вижу ничего смешного.

– А, может, его посадить за уроки, какие-нибудь самые скучные, и ему будет совсем не до смеха?

– Уже сажали, уверяю тебя, дитя. Даже профессор сломал бы зубы об те науки, которые склевала птица.

– А что еще клюет Петутукан, кроме наук?

– Рождественский пудинг. Но все равно, что толку, он засмеется, даже если ему насыпать собачьих галет.

Его Величество вздохнул и передал Матильде бутерброд с маслом.

– Ты даже не представляешь, – продолжил он, – до чего нас довела птица. Однажды она засмеялась, и все мои министры превратились в мальчиков в желтых носочках. Мы не могли издавать законы, пока они не вернулись в нормальное состояние. В этом, конечно, не было вины министров, я

не стал их наказывать, бедняжек.

– Конечно, – сказала Матильда.

– Однажды, в нашей стране завелся дракон, – рассказывал король, – когда это случилось, я предложил полцарства и принцессу в награду тому, кто убьет его. Ты ведь знаешь, такова старинная традиция.

– Да, – сказала Матильда.

– Что ж, весьма достойный юный принц приехал, чтобы сразиться с драконом, и все собрались, чтобы посмотреть на это зрелище. По девять пенсов платили за место в первом ряду. Раздался звук трубы, возвещавший начало битвы, и дракон прибежал. Для него этот звук прозвучал, как гонг к обеду. Принц извлек из ножен сверкающий меч, толпа зашумела, и тут скверная птица расхохоталась, и дракон превратился в кошечку. Принц обрушил меч на несчастное животное, не успев остановиться. Люди были просто в ярости.

– Что же случилось потом? – спросила Матильда.

– Я сделал все, что мог. Я сказал: «Принц, вы все равно должны жениться на принцессе». Я повез его во дворец, но едва мы добрались до дому, Петутукан снова захохотал, и принцесса превратилась в очень старую немку гувернантку. Принц уехал домой в страшной спешке и очень плохом настроении. Через день или два принцесса обрела прежний облик. Ах, дорогая, мы живем в эпоху испытаний.

– Мне очень вас жаль, – сказала Матильда, уплетая маринованный имбирь.

– Что ж, можешь пожалеть нас, – произнес монарх-горемыка, – но если я начну рассказывать тебе подробно обо всем, что сотворила хохочущая птица с моим бедным королевством, мы просидим до самого утра.

– Я не против, – милостиво согласилась Матильда, – расскажите мне еще что-нибудь.

– Ну, – говорил король, все больше волнуясь, – одного хихиканья противной птицы оказалось достаточно, чтобы портреты моих благородных предков в парадной зале все, как один, стали вульгарными и краснолицыми, словно они были вовсе не королями, а пьяницами и носили фамилию Смит.

– Просто чудовищно!

– А однажды, – всхлипнул король, – Петутукан рассмеялся так громко, что после воскресенья снова наступило воскресенье, а четверг вообще потерялся, бродил где-то сам по себе и нашелся только на Рождество.

– А теперь, – внезапно прервал он свой рассказ, – пора спать, уже поздно.

– Мне идти спать? – уточнил Матильда.

– Да, конечно, – ответил король. – Я рассказываю эту печальную историю всем чужестранцам, потому что надеюсь, что кто-нибудь из них окажется умным и спасет меня. Вот ты, например, очень милая девочка. Как думаешь, ты умная?

Очень приятно, даже если кто-то просто интересуется, умна ли ты? Тетушка Уиллоуби, например, ничуть не сомне-

валась в обратном. Но короли умеют говорить приятные вещи, и Матильда была польщена.

– Не думаю, что я умна, – честно ответила она, но тут хриплый хохот неожиданно разнесся по залу. Матильда схватилась за голову.

– О Боже! – воскликнула она. – Я так странно себя чувствую. Ой! Что это?

Она замолчала ненадолго, потом взглянула на короля и произнесла:

– Ваше Величество, я ошиблась. Я умна, и теперь понимаю, как плохо засиживаться допоздна. Спокойной ночи. Утром, надеюсь, я все еще буду умной и смогу вам помочь, если, конечно, птица не обхохочет меня снова, и я не приобрету какие-нибудь другие способности.

Утром Матильда проснулась с удивительно ясной головой. Она сразу же наметила несколько планов спасения короля и его королевства, но когда спустилась к завтраку, обнаружила, что Петутукан, скорей всего, смеялся ночью еще раз, потому что прекрасный дворец превратился в мясную лавку. Мудрый правитель решил не противиться судьбе и, подвернув королевскую мантию, взвешивал шесть унций великолепной баранины какому-то ребенку с корзинкой.

– Не знаю, есть ли сейчас смысл в планах спасения, – грустно сказал он. – Пока дворец остается лавкой, не стоит и пытаться изображать из себя короля, можно только попробовать стать хорошим мясником. Ты можешь вести учетные

записи, пока птица не вернет мне дворец обратно.

Итак, король занялся работой, весьма уважаемой его подданными, многие из которых после колдовства Петутукана поменяли профессии и не один раз. А Матильда вела учетные записи и выписывала счета. Одним словом, оба они были при деле. Придмор, превращенная в автомат, привлекала в лавку покупателей. Многие приводили детей и заставляли невинных малюток бросать в автомат пенсы, а потом читать «хорошие советы», которые им выдавала Придмор. Родители бывают так жестоки! А принцесса сидела в саду с Петутуканом, и Матильда играла с ней каждый день.

Однажды король ехал через соседнее королевство, и король соседнего королевства выглянул в окно своего дворца, засмеялся и крикнул: «Мясник!» Король-мясник не обиделся, потому что это было правдой, хоть и высказанной несколько грубо. Но когда тот король крикнул: «Почем кошачье мясо?», наш король очень рассердился, потому что продавал он мясо всегда лучшего качества. Когда он рассказал обо всем этом Матильде, она посоветовала: «Объявите ему войну». Король послал свою армию в соседнюю страну, и враг был разбит. В этот раз птица засмеялась вовремя: мясная лавка исчезла, а король снова восседал на троне. Он тут же объявил день победы над врагом государственным праздником и приказал устроить грандиозный прием в честь своих солдат. Матильда помогала королю подготовить все лучшим образом. Она наслаждалась новым непривычным

ощущением собственной разумности, поэтому почувствовала острое разочарование, услышав смех Петутукана как раз, когда все было готово для пышного торжества. Птица засмеялась, и государственный праздник превратился в подходящий налог. Королевская милость оказалась, вдруг, королевским взысканием, а солдаты – капризными мальчишками, которых пришлось накормить плюшками и силой утащить домой с криками и слезами.

– Надо что-то делать, – произнес король.

– Что ж, – сказала Матильда, – если вы назначите меня гувернанткой принцессы, я что-нибудь придумаю. Я достаточно умная для этой работы.

– Необходимо получить одобрение парламента, – сказал король, – внести изменение в Конституцию.

Итак, правитель поспешил в парламент, чтобы открыть заседание, но, когда он проходил мимо птицы, она склонила голову на бок и расхохоталась. И тут королевская корона выросла до невероятных размеров и вся покрылась дешевыми блестками самого безвкусного типа. Королевская мантия вместо бархатной, обитой горностаем, стала байковой, на кроличьем меху, а скипетр удлинился на двадцать футов, так, что его стало неудобно держать в руках. Король, однако, не сомневался, что голубая кровь осталась при нем.

– Ни одна птица, – заявил он, – не помешает мне исполнить свой долг и открыть парламент.

Но когда он подошел к зданию парламента, он был слиш-

ком взволнован, чтобы вспомнить каким ключом открываются двери и в результате сломал замок, засунув в него не тот ключ. Теперь члены парламента были вынуждены произносить речи на улице, чем сильно затрудняли движение транспорта. А несчастный король ушел домой в слезах.

– Матильда, – воскликнул он, – это последняя капля! Ты всегда поддерживала меня. Ты осталась со мной, когда я был мясником, ты выписывала счета, ты считала прибыль, ты велела учет. Если ты действительно умная, ты мне поможешь, иначе конец всему! Уйду в мясники, уеду куда-нибудь в захолустье, и другая маленькая девочка, не ты, будет заполнять мои бухгалтерские книги.

Этого Матильда не могла допустить.

– Хорошо, Ваше Величество, – сказала она, – тогда позвольте мне слоняться ночью по дворцу. Возможно, я сумею обнаружить нечто, что заставляет Петутукана смеяться, и тогда мы сумеем поймать это нечто и не допустить его больше к птице.

– Ох, – вздохнул несчастный король, – если бы только у тебя получилось!

Тем вечером Матильда поднялась в спальню, но не заснула. Она лежала и ждала, пока все обитатели дворца погрузятся в сон, потом бесшумно, как мышка, прокралась в сад, где стояла клетка с Петутуканом, и спряталась за кустом белых роз. Забрезжил серый рассвет, и Петутукан проснулся. Взошло яркое красное солнце, и что-то тихонько, крадучись,

выползло из дворца, что-то, похожее на полтора ярда белой ленты. Это была принцесса. Она бесшумно подошла к клетке и протиснулась между ее прутьями. Расстояние между прутьями было довольно узким, но белой ленте под силу протиснуться сквозь любую щель, в любую клетку. Принцесса подошла к Петутукану и пощекотала его под крыльями, она щеко-тала его до тех пор, пока он не расхохотался. И не успел еще замолкнуть хохот птицы, как принцесса выскользнула нару-жу и убежала в свою комнату. А Матильда вернулась в свою. На следующий день все воробьи превратились в лошадей, и по улицам стало невозможно ходить из-за тесноты.

В тот день Матильда как всегда пришла поиграть с прин-цессой и вдруг спросила ее:

– Принцесса, а почему вы так худы?

Принцесса схватила руку Матильды и с благодарностью сжала ее.

– Матильда, – сказала она, – у тебя благородное сердце! Никто ни разу не спросил меня об этом, все пытались толь-ко вылечить. А разве я могла объяснить, что происходит, раз меня не спрашивали? Разве могла? Это грустная, очень грустная история, Матильда. Когда-то я была такая же тол-стая, как ты!

– Я совсем не толстая! – возмутилась Матильда.

– Я хочу сказать, – нетерпеливо вздохнула принцесса, – что была довольно полной, а потом похудела.

– Но почему?

– Потому что они не давали мне каждый день мой любимый пудинг.

– Какая жалость! – сказала Матильда. – А какой у вас любимый пудинг?

– Хлебный, конечно, обсыпанный розовыми лепестками и с грушевыми леденцами внутри.

Матильда отправилась к королю, но едва она сделала несколько шагов, как Петутукан вновь засмеялся. Поэтому, когда она нашла короля, он был не в состоянии заказывать обед, так как превратился в огромную виллу, весьма современную, со всеми удобствами. Он грустно стоял в парке, и Матильда узнала его только по криво торчащей на одном из дымоходов короне, и еще по краю горностаевой мантии, стелющейся вдоль садовой дорожки. Она сама заказала любимый принцессин пудинг, и весь двор поглощал его каждый день на обед, пока не осталось ни одного придворного способного не испытывать отвращения к хлебу. И все они согласны были пробежать милю, лишь бы никогда больше не пробовать грушевых леденцов. Да и сама Матильда устала от однообразного питания, хотя была теперь умной девочкой, и понимала, как полезен хлеб.

А принцесса становилась все толще и толще, и все румяней с каждым днем. Ее платье приходилось распускать все больше, пока уже не осталось швов, которые можно было распустить. Тогда ей пришлось надевать старые платья, которые носила Матильда, а потом и они оказались малы. С пол-

нотой принцесса обрела и доброту, и Матильда полюбила ее от всей души.

А Петутокан за целый месяц ни разу не засмеялся.

Когда принцесса округлилась до подходящего любой принцессе размера, Матильда как-то пришла к ней, нежно обняла и поцеловала. Принцесса поцеловала Матильду в ответ и сказала:

– Ах, мне так жаль, но придется во всем сознаться. Петутокан никогда не смеется, если его не пощекотать. Он, честно говоря, ненавидит смеяться.

– Но вы ведь больше не будете его щекотать? – спросила Матильда.

– Конечно, не буду, – уверила ее принцесса, – я вредничала, потому что была тощей, а теперь я полная и хочу, чтобы все были счастливы.

– А как всем стать счастливыми? – сурово спросила Матильда. – Ведь все превратились во что-то, во что совершенно не планировали. Ваш отец теперь великолепная вилла, премьер министр был маленьким мальчиком, и едва он успел обрести свой подлинный облик, как превратился в здание Оперы. Половина горничных дворца стали губками для мытья посуды и трутся об эту посуду. Бравые моряки военно-морского флота теперь французские пудели, а все солдаты королевской армии – немецкие сосиски. Ваша любимая няня превратилась в цветущее белье, а я, увы, слишком умна. Сможет эта жуткая птица вернуть все обратно?

Услышав, каким стало ее королевство, принцесса залилась слезами.

– Нет, – всхлипнула она, – он как-то объяснил мне, что, когда смеется, только поначалу знает во что кто превратится, а потом колдовство творит само, что захочет. Единственный способ вернуть все, как было, это если... Но это невозможно! Если заставить его посмеяться вверх тормашками. Это загадка. Он так сказал мне, но я не понимаю, что это значит. А ты понимаешь, Матильда?

– Нет, – сказала Матильда, – но позвольте прошептать вам на ухо, чтобы птица не услышала. Придмор знает. Она часто говорила мне: «Ты у меня посмеешься вверх тормашками!» У меня есть план!

Девочки шептались друг с другом, а Петутукан как ни напрягал слух не смог ничего услышать. Подружки оставили его в неведении.

Через какое-то время птица услышала странный шум. Четверо мужчин ввезли в сад на тачке что-то большое и красное. Они поставили эту штуковину перед Петутуканом, и тот в ярости затанцевал на жердочке.

– Ой, – вскрикнул он, – если сейчас кто-нибудь заставит меня засмеяться, эта жуткая штука превратиться во что-то, и я знаю, что превратиться она в нечто ужасное. Я чувствую это всеми своими перьями.

Принцесса отперла дверцу клетки ключом премьер-министра, который ей передал певец-тенор из Оперы. (Это был

ключ и от Оперы тоже.) Она подкралась к Петутукану и пощекотала его под крыльями. Он зловеще уставился на красный автомат и громко расхохотался. На его глазах агрегат из железа и стекла превратился в Придмор. Ее щеки пылали от ярости, а в глазах, как в стекле, отражалось бешенство.

– Ну и манеры! – сказала она Петутукану. – Над чем ты хохочешь, хотела бы я знать? Ты у меня посмеешься вверх тормашками!

И она прыгнула в клетку и прямо на глазах у потрясенных придворных схватила Петутукана и начала трясти его, пока он и вправду не перевернулся вверх тормашками. Это было жуткое зрелище, и всем стало не по себе от странного смеха птицы. Но, в ту же минуту все, как по волшебству, вернулось на свои места. Белье превратилось обратно в няню, вилла стала королем, и все другие люди обрели свой прежний вид. А удивительная разумность Матильды растаяла как свечка.

Сам Петутукан распался на две части. Одна его часть стала туканом, обыкновенным, которого ты сто раз видела в Зоопарке, (а если не видела, то недостойна вновь побывать в этом прекрасном месте), а вторая оказалась петушком-флюгером, который, как ты знаешь, вертится в разные стороны меняя, таким образом, направление ветра. Так что теперь их стало двое и с тех пор бедняжка раздвоенный Петутукан ни разу даже не улыбнулся.

Король в благодарность отправил целую армию, больше уже не напоминавшую кучу сосисок, в провожатые Матиль-

де и Придмор. Солдаты надели свою лучшую форму, стучали в барабаны и размахивали флагами. Но Матильде очень хотелось спать. Она слишком долго была умной и просто выбилась из сил. Разум – очень утомительная вещь, не сомневаюсь, что ты знаешь об этом. Солдаты, видимо, тоже устали от всех этих приключений, потому что пока Матильда с Придмор добрались до дому, от целой армии остался только один, и то это был полицейский на углу их улицы.

На следующий день Матильда попробовала поговорить с Придмор о Зеленой Стране и о Петутукане, и о короле, превратившемся в виллу, но няня перебила ее.

– Полная чушь! – сказала она. – Не болтай ерунды.

Матильда поняла, что Придмор не хочет вспоминать то время, когда она была ворчливым автоматом, и как воспитанная девочка, она больше не поднимала эту тему. Никому дома она не рассказала о своих приключениях, потому что все считали, что Матильда была в гостях у двоюродной тетушки Уиллоуби, а если бы она сказала, что ее там не было, ей пришлось бы снова отправляться к тетушке, чего девочке совсем не хотелось.

Она много раз пыталась сбить Придмор с толку, чтобы та вновь перепутала омнибус, и они бы попали в Зеленую Страну, но только однажды ей это удалось, и омнибус привез их не в заветное место, а к метро, в центр Лондона. Однако, бедной Матильде не стоило так стараться. Ни одна девочка не может посетить Зеленую Страну больше, чем один раз

в жизни. А многие из нас и вовсе никогда там не бывали.

Куда хочешь попасть или Прыгучий мячик

Очень обидно провести лето в Лондоне, особенно если привыкли ездить к морю, сколько себя помните, только из-за того, что дядюшка с тетушкой решили погостить недельку другую и посетить Королевскую Академию Художеств, а еще все летние распродажи. Селиму и Томасине, во всяком случае, смириться с этим было совсем не просто. Тем более, что это были не самые милые их тетушка и дядюшка. Если бы это была тетя Эмма, которая шьет платья для кукол и рассказывает сказки, или дядя Реджи, который может взять с собой на прогулку в Хрустальный Дворец и подарить сразу пять шиллингов, а потом ни разу не спросить, на что ты их потратил, тогда другое дело. Но это были дядя Томас и тетя Селина.

Тетя Селина была маленькой и круглой. Она сидела всегда очень прямо и любила говорить о том, что детям всегда надо слушать внимательно, когда им что-то объясняют взрослые. Селим был назван в честь нее, а Томасина была названа в честь дяди Томаса. Он был глухим и любил рассказывать, в чем мораль каждой истории, а горничная как-то назвала его «скрягой».

– Да, он очень невезучий, – согласилась Томасина.

– Я имею в виду, мисс, – сказала горничная, – что ему жалко своих денег.

Селим фыркнул.

– Он лишь однажды дал мне шиллинг, – сказал он, – я не смог купить на него даже лимонаду.

Дети никак не могли понять, почему дяде и тете позволено вмешиваться во все их дела, они приняли твердое решение, что когда вырастут, не пустят их даже на порог своего дома. О том, что они сами, к тому времени, могут стать те-тушкой и дядюшкой, малыши, похоже, не догадывались.

В тот год в Лондоне стояло жаркое лето. Мостовая ды-милаась, как горячий пирог, а асфальт казался мягким, как только что приготовленный пудинг. Странный ветер носил-ся по городу, он собирал пыль, солому и грязную бумагу, а когда ему надоедала эта коллекция, выбрасывал все накоп-ленное прямо на людей или в палисадники приличных до-мов. Шторы в детской так и не повесили после того, как Се-лим и Томасина сорвали их, чтобы сшить занавес для пье-сы, которую собирались написать, поэтому солнце невыно-симо жгло через незанавешенное окно. Детям становилось все жарче и жарче и, в конце концов, Селим ударил Томаси-ну по руке, а Томасина пнула Селима ногой. После этого они уселись в разных углах детской и заревели во всю мочь. Они кричали и ругались и сетовали на то, что до сих пор живы, что было, конечно, очень неразумно с их стороны, но ты же помнишь, какая жара стояла в Лондоне.

И когда они перепробовали все обзывательства, Томасина вдруг сказала:

– Ладно, Силли (таким было уменьшительно-ласкательное прозвище Селима) утешься!

– Слишком жарко, чтобы утешиться, – хмуро ответил Селим.

– Мы вели себя очень капризно, – сказала Томасина, вытерев глаза платком, – но это все из-за погоды. Я слышала, как тетя Селина говорила маме, что из-за жары у нее все нервы натянуты, как струны на скрипке. Это значит, что она очень сердита.

– Что ж поделать, – сказал Селим. – Говорят, что надо быть хорошим, чтобы стать счастливым. А дядя Реджи говорит: «Будь счастливым и, возможно, ты станешь неплохим человеком». Я бы стал хорошим, если бы был счастлив.

– И я, – согласилась Томасина.

– А что может осчастливить тебя? – послышался вдруг хриплый голос из шкафа с игрушками.

Большой зелено-красный каучуковый мячик выкатился оттуда, тот, который прислала тетя Эмма на прошлой неделе, и похоже, что голос принадлежал именно ему. Детям не часто приходилось играть в мяч, потому что в саду было слишком жарко и солнечно, а когда они один раз захотели поиграть с ним на улице, в тенечке, тетя Селина сказала, что приличные дети так себя не ведут. Одним словом, им не позволили играть в мячик на улице.

Селим встал и вежливо поздоровался, как полагается.

Селим встал и вежливо поздоровался, как полагается.

– Привет! – сказал он.

А Томасина ответила на вопрос мячика:

– Мы хотели бы оказаться у моря. И чтобы никаких тетушек, дядюшек и всего, что мы не любим.

– Что ж, – сказал мяч, – если вы обещаете быть хорошими, можете пустить меня вскачь.

– Нам не позволено играть в доме, – заметила Томасина, – из-за бьющихся игрушек, которые мне часто дарят на день рождения.

– Можно пойти на улицу, – предложил мячик, – на тенистую сторону.

– Приличные дети не играют на улице, – грустно сказал Селим.

Мяч расхохотался. Если ты никогда не слышал, как хочется каучуковый мячик, тебе будет трудно представить его смех. Это похоже на быстрый-быстрый, мягкий-мягкий стук об пол, когда мяч уже напрыгался и снижает скорость.

– Значит, выйдем в сад, – предложил он.

– Я не прочь поиграть с тобой, – добродушно согласился Селим.

Они взяли мячик, вышли в сад и стали бросать его на желтую, выжженную солнцем, траву.

– Повторяйте за мной! – сказал мячик.

– Что? – удивились дети.

– Повторяйте, скачите, как я! Вот так, выше, выше!

И дети запрыгали так, словно их ноги превратились вдруг

в каучуковые мячики. Вы и представить себе не можете, как это приятно подпрыгивать высоко-высоко!

– Еще выше, еще! – азартно кричал зелено-красный мячик. – А теперь за мной, выше, выше.

И он запрыгал прочь по гравиевым дорожкам, а дети за ним, визжа от восторга. Прежде чем перепрыгнуть через стену они оглянулись напоследок, и увидели, как дядя Томас сердито стучит в окно и кричит: «Нельзя!».

Как же это восхитительно подлетать высоко в воздух, вместо того, чтобы устало и капризно волочить ноги по земле. Каждый раз приземлившись, взлетаешь все выше и совсем не чувствуешь утомления. Вы, наверняка, слышали, дети, об одном греческом джентльмене, который обретал силу, припадая к земле. Его звали Антей и, скорей всего, он тоже был каучуковым мячиком, зеленым с той стороны, которой соприкасался с землей и красным с той, с которой его грело солнце. Однако, достаточно классических аллюзий на сегодня.

Томасина и Селим скакали за прыгучим мячиком. Они преодолевали заборы, стены, выжженные солнцем сады и раскаленные улицы. Они проскакали сквозь местность, где капустные поля и желтые кирпичные домики проводят черту между Лондоном и его окрестностями.

Они проскакали мимо пыльных ухоженных палисадников с геранью, мимо окон с полуопущенными шторами. Чем дальше они скакали, тем реже попадались им фонарные

столбы, зеленее становилась трава и плотней живые изгороди. Все выглядело настоящим, обычная дорога превратилась в уютные тропинки, и по этим тропинкам прыгал зелено-красный мячик, а дети за ним. На Томасине было белое накрахмаленное платье с колким воротничком, а Селим облачился с утра в будничный матросский костюм, немного узкий. Он успел уже из него вырасти, и воскресная одежда мальчика была на размер больше. Никто из окружающих, похоже, не замечал ребят, а сами они с жалостью разглядывали бедных детишек, которых «вывели на прогулку» на пыльную песчаную дорогу.

– Куда ты ведешь нас? – спросили, наконец, дети.

И мячик, сверкнув зелено-красной улыбкой, ответил им:

– В самое прекрасное место на земле!

– Как оно называется? – поинтересовался Селим.

– Кудахочешьпопасть, – ответил мяч и поскакал дальше.

Это было удивительное путешествие. Вверх-вниз, вверх-вниз. Дети могли заглядывать поверх изгородей и в окна верхних этажей. Вверх-вниз, вверх-вниз. Прыг, прыг, прыг!

Наконец, они добрались до моря, и прыгучий мячик сказал:

– Ну вот, мы на месте! Ведите себя хорошо, потому что здесь есть все, чтобы сделать вас счастливыми.

После этого он закатился в тень мокрого заросшего водорослями камня и заснул. Все-таки непросто доскакать до самого прекрасного места на земле.

Дети остановились и огляделись.

– Ах, Томми! – воскликнул Селим.

– Ах, Силли, – откликнулась Томасина.

И было отчего прийти в восхищение. Даже в самых дерзких снах они не видели ничего подобного. Дети чувствовали себя так, словно провели много дней в жарком грязном поезде, где все злились друг на друга, особенно из-за маленькой коричневой сумки, которую забыли на станции, а потом, наконец, добрались до места, и мама разрешила вдруг побежать к морю и поиграть там, пока вместе с няней она распакует вещи. Только ни в коем случае не опаздывать к чаю.

Но у Томасины и Селима не было утомительного путешествия, и они вовсе не собирались поселяться в неудобном душном доме и пить там чай с бутербродами, намазанными жирным маслом и джемом.

– Сколько же здесь песка! – воскликнула девочка.

– И камней! – сказал мальчик.

– И скал!

– И пещер в этих скалах!

– И как в них прохладно! – сказала Томасина.

– И уютно, и тепло, – сказал Селим.

– А сколько ракушек!

– И водорослей!

– И холмы позади!

– И деревья вдали!

– А вот и собака, мы будем кидать ей палочки! Сюда, Ро-

вер, Ровер.

Большая черная собака сразу же откликнулась на зов, потому что это был ретривер, а всех ретриверов зовут Ровер.

– И лопатки, чтобы копать! – обрадовалась девочка.

– И ведерки, чтобы сыпать в них песок! – засмеялся мальчик.

– А какие красивые маки здесь растут! – заметила Томасина.

– И корзинка с едой! – обрадовался Селим.

При виде корзинки с едой ребята решили перекусить. Давно их не угощали так вкусно. Раки и мороженое (клубничное и ананасовое), а еще ириски и горячие тосты с маслом, и имбирное пиво. Они ели и ели, и вспоминали, что дядя с тетей остались дома вместе с фаршем из телятины и пудингом из саго. Наконец, дети были счастливы.

Они съели все, до последней крошки, и тут заметили, что кто-то плещется и ныряет в море, недалеко от берега. Ребята тут же сорвали с себя одежду и бросились в воду. Это оказался тюлень, очень добрый ласковый тюлень. Он показал детям, как правильно нырять и плавать.

– А нам не станет плохо, мы ведь только что поели? – спросила Томасина.

– Нисколько, – сказал тюлень, – здесь вам никогда не станет плохо, если только вы не начнете капризничать. Хотите, научу вас играть в подводную чехарду. Это прекрасная игра, такая веселая и захватывающая. Вам понравится.

Потом тюлень сказал:

– Вижу, вы носите человеческую одежду. Она очень неудобная. Двое моих старшеньких недавно сбросили мех. Хочу вам его подарить.

Он уплыл и вскоре вернулся с двумя пальтишками золотистого цвета, и дети надели их.

– Спасибо большое, – сказали они, – вы очень добрый.

Не сомневаюсь, что тебе никогда не приходилось носить меховое пальтишко, удобное, как собственная кожа, которое не пачкается ни от песка, ни от воды, ни от варенья, хлеба, молока – всего, что ты обычно проливаешь на красивые наряды, купленные заботливыми родственниками. Можешь представить, как обрадовались дети такому подарку.

Весь день Томасина и Селим играли на пляже, а когда устали забрались в пещеру, в которой их ждал ужин: лосось с огурцом, гренки с сыром и лимонад. А потом они улеглись спать в огромном ворохе из соломы, травы, папоротника и опавших листьев – всего, на чем так мечтают спать дети, но им никогда не позволяют.

Утром на завтрак их ждал сливовый пудинг, жареная утка и лимонный джем. День прошел, как счастливый сон, полный игр и веселья, прерываемых лишь для того, чтобы насладиться удивительно вкусной едой. Мячик научил детей играть в водное поло, и они с веселым визгом кидали его на песок. Ты ведь понимаешь, что мячики любят, когда их кидают друзья, это для них как дружеское похлопывание по плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.